

УДК 821.111-2.09'01

DOI 10.25688/2076-913X.2020.39.3.08

О.В. Томберг

Диалогизм и культурный трансфер в древнеанглийской поэтической традиции

Статья рассматривает древнеанглийскую литературу как результат трансфера и диалогических отношений в культуре. Данные процессы изучаются на примере трансфера художественных образов, которые являются результатом взаимодействия различных картин мира: англосаксонской и скандинавской, родоплеменной и начал государственности, мифопоэтической и христианской. В статье анализируются преобразования образов при трансфере ценностей.

Ключевые слова: художественный образ; культурный диалог; культурный трансфер; трансформация; ценность.

Понятие диалогизма как культурного явления может быть представлено в двух исследовательских перспективах. Во-первых, в межкультурном аспекте — как инициируемый с определенными прагматико-коммуникативными установками диалог (или полилог) культур, осуществляемый посредством взаимодействия носителей данных культур. Он анализируется в рамках межкультурной коммуникации как «непосредственного или опосредованного обмена информацией между представителями разных лингвокультур» [11, с. 3]. Данный аспект межкультурного диалога является широко изученным в научной литературе с различных позиций: стилистики, коммуникативистики и прагматики [10–11, 24], лингвокультурологии [6, 27], когнитивистики [23, 26], лингвоперсонологии [7], переводоведения и эрратологии [20–21, 25].

Во-вторых, диалогические отношения в культуре могут быть обусловлены так называемым внутренним диалогизмом, когда в рамках одной культуры, часто на территории одной страны наблюдается синтез различных культур и, соответственно, различных картин мира. Актуальность его изучения подчеркивает В.В. Красных [9, с. 34–35]. Появление данной многоязычной, мультиэтнической общности может быть обусловлено причинами историко-культурного, религиозного, социально-политического характера. В любом случае подобное объединение характеризуется имманентным внутренним межкультурным диалогизмом. Эти диалогические отношения сопровождаются культурным трансфером идей и понятий из одного концептуального типа культуры в другой, от культуры-донора к культуре-акцептору. Интракультурные диалогические отношения с позиции культурных трансферов могут изучаться как в исторической, так и в синхронной плоскости. Исследования в исторической перспективе,

особенно в период зарождения национальных культур, интересны тем, что они способны представить панорамное видение их становления в постоянном взаимодействии с другими культурами. Тем самым уточняется идентичность данной культуры как сложный сплав разных культур и взаимовлияний [5, 12]; то, как «национальное возникает из восприятия, ассимиляции или отказа от чужого» [19, с. 73].

Трансфер предполагает интеграцию инокультурного объекта в иную референциальную систему («семантическое присвоение» [19, с. 62]), что сопровождается глубинными трансформациями исходных и принимающих концептуальных смыслов: «когда объект пересекает границу и переходит из одной культурной системы в другую, обе эти системы оказываются вовлеченными в процесс ресемантизации» [19, с. 77]. Данные явления в той или иной степени наблюдаются при трансфере любых концептуальных образований: культурных концептов, идей, стереотипов. В поэтической системе трансферу и ресемантизации подлежат художественные образы как художественные макроконцепты, которые вовлечены в процесс культурного диалога всеми уровнями своей структуры. Прежде всего, образы (и персонажи как их текстовые репрезентанты) выступают в нерасторжимой связи с сюжетными функциями: тесную спаянность образа и сюжетного мотива подчеркивали многие исследователи [2, 16–17]. Соответственно, образы транспонируются в инокультурную реальность в заданных исходной культурой сюжетно-мотивных комплексах. Данные комплексы во многом отражают принятые в этой культуре коммуникативные паттерны, их речеповеденческим репрезентантом является речевой портрет образа (коммуникативный уровень). Сюжетные мотивы, коммуникативные сценарии и выделяемые в них речевые жанры являются проекцией аксиологических концептов национальной культуры [4, 8]. Концептуальное пространство образа соотносит образ с ценностями как содержательными концептами исходной культуры (концептуальный уровень). Воссоздание поэтической формы образа также может быть предметом исследовательского внимания [18].

Древнеанглийская литература является ярким иллюстративным примером интракультурного полилога. Ее облик сформирован целым рядом диалогических отношений и взаимосвязей: скандинавская vs англосаксонская культуры, родоплеменная культура vs народность; мифопоэтическая vs христианская культуры. Данные отношения сопровождалась трансфером концептуальных смыслов из одного вида культуры в другой. Ретроспективный анализ особенностей и принципов их интеграции, предлагаемый в данной статье, может очертить, на наш взгляд, новую область изучения диалогических отношений в культуре. Культурой-донором в большинстве случаев выступает или более поздняя культура, или та, элементы которой заимствуются.

Образы древнеанглийской литературы были вовлечены в процесс культурного трансфера в ходе всей истории ее развития, в результате чего облик англосаксонской имагосферы представляет собой синтез аутентичных и инокультурных смыслов. Взаимодействие англосаксонской и скандинавской

поэтических традиций можно интерпретировать в двух форматах. Во-первых, как общегерманское прошлое, до переселения англосаксов на территорию Британии. Этими реминисценциями отмечены образы Героя, Короля и Воина в древнеанглийской литературе. Так, Беовульф — *гаут* (шведское племя) спасает данов от чудовища Гренделя (сюжетная функция Героя). Его имя опирается на традиционную *скальдическую* технику аллитеративного стихосложения (имя *Beowulf* является кеннингом «пчелиный волк», отражающим тотемные связи образа). В образе Короля доминирует традиционная *общегерманская аксиология*: значимость концептов щедрости, богатства, дарения. Мотив поощрения воинов-дружинников богатствами или их частями (разламывание колец, браслетов) за их верность и мужество на поле боя соответствовал героическому эпосу народов Северной Европы. Воин связан с традициями героической культуры на всех уровнях актуализации образа. Например, имена англосаксонских воинов мотивированы ценностями:

- войны: *Wiglaf*: *wīg* (война, сражение) + *lāf* (наследство); *Guðlaf*: *gub* (война, битва) + *laf* (оставляющий); *Wistan*: *wīg* (война, сражение) + *stān* (камень); *Guðhere*: *gūð* (война, сражение) + *heard* (твердый, сильный) [15, 22];
- оружия: *Ecgþeow*: *ecg* (меч) + *þeow* (слуга); *Æschere* (a spear-band, comrany armed with spears [22]); *Garulf*: *gar* (копье) + *wulf* (волк) [15, 22];
- славы: *Wulfmær*: *wulf* (волк) + *mære* (славный, известный) [15, 22].

Во-вторых, как результат более поздних влияний вследствие набегов скандинавов-викингов на Британские острова в период VIII–XI вв. и их поселения на территории острова («Пятиградие», область датского права). Этот тип влияний обуславливает появление новых семантических граней образов древнеанглийской литературы. Например, Женщина-Святая в раннехристианской латинской и англосаксонской агиографии (например, проповеди Эльфрика) концептуализируется преимущественно через понятие чистоты (*clæne*). Образы художественной литературы репрезентируют иной тип концептуализации Святой — в русле традиционной героической аксиологии (сила — *fromlice*; мужество — *ellenwod, ellenrof, unforhte*; война — *hildewoma, gefeoh*; доспехи — *lind, byrnhom, helm, sweord*). Появление этих семантических граней в образе представляет собой отклик на англо-скандинавские отношения VIII–XI вв., поскольку во время набегов викингов англосаксонские женщины-монахини часто подвергались насилию с их стороны, для защиты от них особенно востребованными были маскулинные качества [1, с. 131].

Наиболее полно отношение к викингам-захватчикам отражено в образе Врага-викинга, представленного в англосаксонских героических песнях («The Battle of Finnsburgh», «The Battle of Brunanburh», «The Battle of Maldon»)¹. Его хронотоп соотнесен с историческими событиями Британских островов IX–X вв. Враг-викинг раскрывается на основе реалистичной сюжетики (исторические битвы с викингам) и реального типа конфликта (прямое военное

¹ «Битва при Финнсбурге», «Битва при Брунанбурге», «Битва при Мэлдоне».

столкновение двух армий на поле битвы), они имеют реальные исторические прототипы (фризский король Финн из «Битвы при Финнсбурге», викинги-датчане из «Битвы при Мэлдоне», король Албы из «Битвы под Брюнненбургом»). Концептуализация врага-викинга репрезентирует негативное отношение к нему в англосаксонской культуре: доминантами образа являются концепты ненависти (*lað, níp*), злости (*fah, gealgmod, stiþmóda, scinsceaþa, hygewælm, grama, gryn*), опасности (*fær-sceaða*).

Наиболее ярким примером трансфера в данную эпоху является взаимодействие мифопоэтической и раннехристианской аксиологии. Это сопровождалось трансфером христианских концептуальных смыслов, репрезентированных образами, сюжетами, мотивами, концептами, коммуникативными паттернами. При этом данные смыслы, при взаимодействии с традиционной германской аксиологией, претерпевали изменения и трансформации. В частности, вследствие утверждения христианства древнеанглийская имагосфера пополняется образами Святых: Мужчины-Святого и Женщины-Святой. Конфликт, в котором репрезентированы данные образы, импортирован из раннехристианской агиографии: борьба с язычниками, обращение их в христианскую веру, противостояние Сатане. При этом лингвостилистическая и концептуальная разработка образов корреспондирует с предшествующей поэтической традицией: качествами, необходимыми Святому для победы над язычниками, являются смелость (*modhwæt, collenfyrhð, ellen, ellenrof, beadurof, beaduheard, dædhwæt, hwætmod, eadig on elne, beald*), сила (*rof, hygerof, þrohheard, stiðhycgend, modig*), мудрость (*wis, horsc, gleaw, gleawlic, gleawnes, snotor, gewit, wis on gewitte*), преданность (*getreow, treow*). Женщина-Святая обладает качествами англосаксонского воина: силой (*fromlice fæmnan*), мужеством (*ides ellenrof, ellenwod, ellenþriste, collenferhðe*), мудростью (*snotere mægð, gleawhydig wif, searodoncol mægð, gleaw on gedonce*), решительностью и правотой (*anræd ond yreþweorg; yrre ond reþe*). Святая Юлиана вступает с Сатаной в словесную перебранку. Победа в споре, согласно традиционной героической аксиологии, моделировала победу на поле боя [13]. В случае с христианскими образами эта победа символизировала победу христианских идей и утверждение новой религии.

Основой концептуализации новой веры была понятная большинству общегерманская аксиология, из которой отбирались идеи противостояния врагу и защиты кровнородственных интересов. Подобные параллели имели прагматический характер и были нацелены на «отыскание ближайших эквивалентов христианских понятий в самом поэтическом тезаурусе англосакса с целью сделать обращение в новую веру бесповоротным» [3, с. 30]. Идеи национальной героики получали новую христианскую трактовку при разработке художественных образов в христианских поэмах «Elene», «Juliana», «Christ»². Так, частотными перифрастическими номинациями древнеанглийского Святого являются комбинации с героической аксиологемой лексемой «воин»: *eadigoreta*

² «Елена», «Юлиана», «Христос».

(blessed warrior / благословенный воин), *wishæleð* (wise warrior / мудрый воин), *hæleð higerofne* (strong warrior / сильный воин), *lidweard* (a ship leader / капитан корабля).

Сатана как типологическая разновидность образа Врага воплощает собой антиценностное пространство раннехристианской культуры, однако в его интерпретации отчетливо прослеживаются следы мифопоэтической трактовки Врага. Сатана изображен как кит — мифологическое чудовище, огромная пасть которого символизировала ад («The Whale»). Гордыня как основной грех Сатаны интерпретируется с позиций героической аксиологии как «гротескно-преувеличенное присутствие духа... те же героическая отвага, самообладание, уверенность в своих силах, стремление к победе, однако имеющие неверное направление (против вождя) и превосходящие пределы разумного» [3, с. 31]. В свою очередь, интересны и обратные трансформации, которые можно охарактеризовать как христианизацию традиционной германской мифопоэтики. Так, при номинации врагов-мифологических чудовищ (Гренделя и его матери) можно наблюдать диффузию лексических компонентов имени: религиозные концепты греха (*synscaþa*, *sinnum beswenced*, *fyrena hyrde*), *ada* (*helle hæfton*, *feond on helle*), язычества (*feond hæþene*), Каина (*Cain cynne*) являются частью обозначающих их кеннингов и перифраз.

Перенос ценностного содержания образов из одной культуры в другую всегда сопровождается трансформациями. При этом изменениям подлежат концептуальные смыслы и культуры-донора, и культуры-акцептора. Это может быть расширение объема аксиологемы и появление новых концептуальных граней. Например, при трансфере аксиологемы богатства из героических в христианские образы ее объем пополняется новым, нематериальным содержанием. Именем концепта остается лексема *gifu*, но в других контекстуальных связях: с Богом (*engel god*, *mandryhten*), Святым духом (*halig gast*), словом Божиим (*hleodorcwide*). Тем самым богатство интерпретируется как духовные ценности и дар Бога:

Him god ealed gife of heofnum þurh hleodorcwydehaliges gastes,
 þæt him engel godes eall asægde swa his mandrihten gemæted wearð [23, с. 154–156].
 (God had given him a heavenly gift through the prophecies of the holy spirit) /
 (Бог дал ему небесный дар через пророчества Святого Духа).

Трансфер может сопровождаться сужением семантического объема аксиологемы и сокращением числа ее репрезентантов. Эти процессы можно наблюдать на примере древнеанглийского макроконцепта родства. В образах героико-эпической традиции этот концепт представлен многообразием лексем ближнего родства (*modor*, *fæder*, *brodor*, *sunu*, *dohtor* и т. д.) и кровнородственных общностей (этнонимы *maeg*, *cyn*, *sib*, *cyth*, *folc*, *leod*, *þeod*). В более поздних христианских образах (Бог, Иисус, Святые) родство интерпретируется как родство с Богом, а наиболее частотной является модель «отец – сын», которая реализуется композитами и сочетаниями с лексемой *fæder* / отец (*heahfæder*, *fæder engla*, *fæder manncynnes*) и *bearn*, *sunu* / сын (*bearn Godes*).

При трансфере также возможна семантическая спецификация, сопровождаемая сменой плана выражения. Например, героическая аксиологема славы (*mærd̥a, rof, dom*) с появлением христианства насыщается новыми смыслами, которые выражаются древнеанглийскими лексемами *wuldor* и *tir*, означающими духовную славу, и композитами с ними: *tireadig, wuldorspedig, wuldormæg, wuldres scima*. Так, этот концепт репрезентирован в образах Бога, Святого и Святой. Номинация Короля в героических жанрах как *kyningwuldor, tireadig cyning*, возможно, является отзвуком его ритуально-обрядовой функции как жреца и демиурга [14, с. 34].

При трансфере возможна также смена оценочного компонента значения аксиологеми. В древнеанглийской поэзии этот вариант является наиболее частотным: при «христианизации» традиционных героических ценностей происходят изменения оценочной семантики, вплоть до смены ценностного полюса. В частности, отрицательный мифопоэтический концепт страха (*ege, gryre*), ассоциируемый с хаосом, становится положительной аксиологемой богобоязности (*ege Drihtnes, godfyrht*) в образах Бога и Святых. Героическая аксиологема гордости трансформируется в гордыню как христианскую антиценность (*wlanc, oferhidig, ofermod*) в образе Сатаны.

Как видно из анализа, изучение художественной литературы в рамках теории культурного трансфера представляется продуктивным. Этот угол зрения позволяет глубже понять природу и механизмы переноса художественных феноменов из одной культурной системы в другую. Трансфер образов и их компонентов сопровождался трансформациями исходных и заимствуемых концептуальных смыслов: сужением или расширением семантического объема аксиологем, сменой их оценочного значения. В результате культурного полилога складывался уникальный облик древнеанглийской имагосферы, отмеченный явлениями синкретизма и диффузии.

Библиографический список

Литература

1. Болдырева И.И. Женщина в англосаксонском обществе и его письменной культуре конца IX – середины XI вв.: дис. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2009. 227 с.
2. Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
3. Гвоздецкая Н.Ю. Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте: опыт лингвокультурологического анализа. Иваново: Ивановск. гос. ун-т, 2013. 212 с.
4. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.
5. Дмитриева Е.Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопр. литературы. 2011. № 4. С. 302–313.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
7. Карасик В.И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2018. 384 с.

8. Карасик В.И. Аксиология сюжетных мотивов // Взаимодействие языков и культур: материалы Междунар. науч. конф. Челябинск, Тяньцзинь, 2018. С. 50–55.
9. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
10. Куликова Л.В. Коммуникация. Стиль. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению: учеб. пособие. Красноярск: СФУ, 2011. 268 с.
11. Леонтович О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
12. Лобачева Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8. С. 23–27.
13. Матюшина И.Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М.: РГГУ, 2011. 304 с.
14. Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.
15. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Языки русской культуры, 1996. 253 с.
16. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
17. Чернец Л.В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4. С. 8–16.
18. Чеснокова Т.Г., Прокопенкова В.В. Рецепция образа романтического героя в первом поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрона «Гяур» // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 2. С. 25–31.
19. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. 816 с.
20. Bassnett S. Translation studies. Routledge: London&NY, 2002. 188 p.
21. Bassnett S. Culture and Translation. A Companion to Translation studies. New York: Multilingual Matters Ltd., 2007. 245 p.
22. Bosworth J., Toller T.N. Anglo-Saxon Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bosworthtoller.com/> (дата обращения: 12.06.2020).
23. Daniel. The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/> (дата обращения: 10.06.2020).
24. Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // Language and Dialogue. 2012. № 2 (2). P. 216–243.
25. Newmark P. No Global Communication without Translation // Translation Today: Trends and Perspectives. New Delhi: Viva Books, 2010. 232 p.
26. Turner M. The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark. New York: Oxford University Press, 2014. 312 p.
27. Wierzbicka A. Cross-cultural communication and miscommunication: the role of cultural keywords // Intercultural Pragmatics. 2010. № 7 (1). P. 1–23.

References

Literatura

1. Boldy`reva I.I. Zhenshhina v anglosaksonskom obshhestve i ego pis`mennoj kul`ture koncza IX – serediny` XI vv.: dis. ... kand. istor. nauk. Voronezh, 2009. 227 s.

2. *Veselovskij A.N.* Poe`tika syuzhetov. Istoricheskaya poe`tika. M.: Vy`ssh. shk., 1989. 404 s.
3. *Gvozdeczkaya N.Yu.* Mir i chelovek v drevneanglijskom poe`ticheskom yazy`ke i tekste: opy`t lingvokul`turologicheskogo analiza. Ivanovo: Ivanovsk. gos. un-t, 2013. 212 s.
4. *Dement`ev V.V.* Kommunikativny`e cennosti russkoj kul`tury`: kategoriya personal`nosti v leksike i pragmatike. M.: Global Kom, 2013. 336 s.
5. *Dmitrieva E.E.* Teoriya kul`turnogo transfera i komparativny`j metod v gumanitarny`x issledovaniyah: opozitsiya ili preemstvennost`? // Vopr. literatury`. 2011. № 4. S. 302–313.
6. *Karasik V.I.* Yazy`kovaya matricza kul`tury`. M.: Gnozis, 2013. 320 s.
7. *Karasik V.I.* Yazy`kovoje proyavlenie lichnosti. M.: Gnozis, 2018. 384 s.
8. *Karasik V.I.* Aksiologiya syuzhetny`x motivov // Vzaimodejstvie yazy`kov i kul`tur: materialy` Mezhdunar. nauch. konf. Chelyabinsk, Tyan`czzin`, 2018. S. 50–55.
9. *Krasny`x V.V.* Slovar` i grammatika lingvokul`tury`. Osnovy` psixolingvokul`turologii. M.: Gnozis, 2016. 496 s.
10. *Kulikova L.V.* Kommunikaciya. Stil`. Interkul`tura: pragmalingvisticheskie i kul`turno-antropologicheskie podxody` k mezhkul`turnomu obshheniyu: ucheb. posobie. Krasnoyarsk: SFU, 2011. 268 s.
11. *Leontovich O.A.* Rossiya i SShA. Vvedenie v mezhkul`turnuyu kommunikaciju. Volgograd: Peremena, 2003. 399 s.
12. *Lobacheva D.V.* Kul`turny`j transfer: opredelenie, struktura, rol` v sisteme literaturny`x vzaimodejstvij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 8. S. 23–27.
13. *Matyushina I.G.* Perebranka v drevnegermanskoj slovesnosti. M.: RGGU, 2011. 304 s.
14. *Toporov V.N.* Mirovoe derevo. Universal`ny`e znakovy`e kompleksy`. M.: Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi, 2010. T. 1. 448 s.
15. *Toporova T.V.* Kul`tura v zerkale yazy`ka: drevnegermanskije dvuchlenny`e imena sobstvenny`e. M.: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1996. 253 s.
16. *Frejdenberg O.M.* Poe`tika syuzheta i zhanra. M.: Labirint, 1997. 448 s.
17. *Chernecz L.V.* Tip personazha i ego e`voljuciya // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie. 2016. № 4. S. 8–16.
18. *Chesnokova T.G., Prokopenkova V.V.* Recepciya obraza romanticheskogo geroya v pervom poe`ticheskom perevode poe`my` Dzh.G. Bajrona «Gyaur» // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie. 2016. № 2. S. 25–31.
19. *E`span` M.* Istoriya civilizacij kak kul`turny`j transfer. M.: Nov. lit. obozrenie, 2018. 816 s.
20. *Bassnett S.* Translation studies. Routledge: London&NY, 2002. 188 p.
21. *Bassnett S.* Culture and Translation. A Companion to Translation studies. New York: Multilingual Matters Ltd., 2007. 245 p.
22. *Bosworth J., Toller T.N.* Anglo-Saxon Dictionary [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.bosworthtoller.com/> (data obrashheniya: 12.06.2020).
23. *Daniel.* The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/> (data obrashheniya: 10.06.2020).
24. *Mustajoki A.* A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // Language and Dialogue. 2012. № 2 (2). P. 216–243.
25. *Newmark P.* No Global Communication without Translation // Translation Today: Trends and Perspectives. New Delhi: Viva Books, 2010. 232 p.

26. *Turner M.* The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark. New York: Oxford University Press, 2014. 312 p.

27. *Wierzbicka A.* Cross-cultural communication and miscommunication: the role of cultural keywords // *Intercultural Pragmatics*. 2010. № 7 (1). P. 1–23.

O.V. Tomberg

Dialogue and Cultural Transfer in Old English Poetic Tradition

Old English literature is characterized by the processes of cultural transfer that put a significant imprint on ways and means of representing artistic images. These processes broaden a dialogical capacity of Old English literature and unfold conceptual meanings of different pictures of the world: Anglo-Saxon vs Scandinavian, tribal vs state, mythopoetic vs Christian. The article presents a research into specifics of this synthesis and transformations within literary images of the epoch.

Keywords: artistic image; cultural dialogue; cultural transfer; transformation; value.